

ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ И ВРЕМЯ

Алферов Анатолий Александрович

Д.ф.н., доцент, Южный федеральный университет

Antal@list.ru

HISTORY AS A PROCESS AND TIME

A. Alferov

Summary: The understanding of history as a process is substantiated. The relation of the modes of historical time: present, past and future is considered. The defining significance of historical consciousness for the history is shown. As characteristics of the historical process, the emergence of a new one, variability, irreversibility, and uncertainty are called and considered. It is proved that the representations of synergetics give a successful model of the historical process. It is shown that the postmodern approach to history leads to the destruction of historical consciousness.

Keywords: historical process, historical consciousness, time, present, past, synergetics, postmodernism.

Аннотация: Обосновывается понимание истории как процесса. Рассматривается отношение модусов исторического времени: настоящего, прошлого и будущего. Показывается определяющее значение для истории исторического сознания. В качестве характеристик исторического процесса называются и рассматриваются возникновение нового, вариативность, необратимость, неопределенность. Доказывается, что представления синергетики дают удачную модель исторического процесса. Показано, что постмодернистский подход к истории ведет к разрушению исторического сознания.

Ключевые слова: исторический процесс, историческое сознание, время, настоящее, прошлое, синергетика, постмодернизм.

История есть процесс. Этот процесс предполагает те или иные события и те или иные изменения в характере жизни людей, обществ. Если бы никаких изменений в жизни людей не происходило, то не было бы и истории как таковой.

Всякий процесс разворачивается во времени. Исторический процесс осмысливается с помощью представлений о настоящем, прошлом (прошедшем) и будущем. Между настоящим, прошлым и будущим существует определенная связь, выстраивается определенное отношение. Это отношение вкуче с самими понятиями настоящего, прошлого и будущего образуют историческое сознание. Одновременно настоящее, прошлое и будущее предстают модусами исторического времени. Настоящее, прошлое и будущее – представления исторического сознания и модусы исторического времени.

Физически человек всегда пребывает в настоящем, проживает в нем всякий миг своей жизни. Прошлого уже нет, а будущего еще нет. Прошлое и будущее существуют в сознании человека. Еще Августин задавался вопросом о природе прошлого и будущего, и он приходил к выводу, что прошлое у нас есть потому, что мы обладаем памятью, а будущее существует для нас благодаря другой способности нашей души – способности ожидать, предвкушать, надеяться... «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего, – пишет Августин. – Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе,

и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание» [1, с. 222].

Если прошлое содержится в сознании человека, то, значит, в нем присутствует и история. Историю образует то, что представлено в сознании. А условием, предпосылкой истории является обращенность сознания к прошлому, то есть существование исторического сознания. Если нет исторического сознания, то нет и истории.

О. Шпенглер, как известно, полагал, что разные культуры демонстрируют различное отношение ко времени, что одни культуры безразличны ко времени, а другим свойственно обостренное чувство времени. Античную культуру он относил к первым. О. Шпенглер представлял историю человечества в виде развития отдельных неповторимых культур и стремился выявить их своеобразие, духовную основу. Каждая культура у него определяется ее неповторимой «душой», которая проявляется во всех сторонах жизни того или иного народа. И постигая душу античной культуры, он утверждал, что ей не присуще чувство исторического времени. Древний грек, – говорил он, – немедленно предавал действительное прошлое забвению, замещая его поэтическими вымыслами в виде мифов. Ему нужен был миф, а не история. В сознании античного человека, – пишет Шпенглер, – «...не существует прошедшего и будущего в качестве упорядочивающей перспективы, и все оно полно в совершенно непостижимой для нас степени настоящим...» [2, с. 41]. В подтверждение своей точки зрения он обращался к характеру античного искусства, архитектуры, литерату-

ры, науки – математики, физики, астрономии, к философским взглядам, культу, обрядам, сочинениям историков и т. д.

Античное мировоззрение, как известно, имело космоцентрический характер. Космос же, по античным представлениям, есть нечто конечное, вечное, неизменное и прекрасное в своей неизменности. Античный человек жил в этом вечном космосе, а не в истории.

А западноевропейской культуре свойственно, по мнению Шпенглера, обостренное чувство времени. Это находит выражение в обращенности к прошлому и будущему: в интересе к действительному прошлому и устремленности в будущее. Острое чувство времени западноевропейца О. Шпенглер демонстрирует, как и равнодушие ко времени древнего грека, на различных проявлениях культуры. Так, он пишет: «Среди народов Запада немцы стали изобретателями механических часов, этого жуткого символа убегающего времени, чей днем и ночью с бесчисленных башен Западной Европы звучащий бой есть, пожалуй, самое мощное выражение того, на что вообще способно историческое мироощущение» [2, с. 47]. «А наши музеи, куда мы сносим всю совокупность ставшего чувственно-телесным прошлого! Разве и они не являются первостепенным символом? Разве их назначение не сохранить, наподобие мумий, «тело» всей культурной истории?» [2, с. 202]. Что же касается античной культуры, то О. Шпенглер считал, что эта культура для европейца чужая и далекая, в частности, в отношении восприятия времени.

С утверждением О. Шпенглера о вневременной сущности античной культуры вполне согласуется и оценка М.М. Бахтиным древнегреческой литературы – именно, хронотопа греческого романа. В этом романе происходит нанизывание отдельных событий, авантюры, но в героях при этом ничего не меняется, какими они входят в эту цепь авантур, такими и выходят из нее. Время здесь совершенно не вымерено, а цепь авантур могла бы длиться сколь угодно долго: совершенно неопределенное время, «вневременное зияние» между начальным и конечным пунктами романа, как отмечает М.М. Бахтин [см. 3].

Исторический процесс, взятый в достаточно общем виде и на достаточном временном интервале, есть возникновение чего-то нового, того, чего раньше не было, рождение новых форм жизни людей. Конечно, в возникающем новом всегда можно усмотреть некоторые черты старого, имевшего место в прошлом. Но даже при сознательной ориентации исторических деятелей на какие-то образцы прошлого воспроизведения прошлого в истории не бывает, а рождается новая социальная реальность. В этом смысле характеристикой исторического процесса можно считать необратимость.

Конечно, в истории мы имеем дело и с циклическими процессами, которые характеризуются повторяемостью, и социальные науки фиксируют подобные процессы, например экономическая наука фиксирует ритмику подъемов и спадов в экономике, те же знаменитые циклы Кондратьева, и другие циклы. Но подобные циклические колебания, устанавливаемые социальными науками, обычно относятся только к какой-то определенной сфере общественной жизни. Во-вторых, они не предполагают абсолютной повторяемости, в этих колебаниях и через них проступают изменения. В третьих, те или иные колебательные ритмы не безграничны во времени, они имеют исторически преходящий характер: они устанавливаются когда-то и где-то в истории и когда-то прекращаются или преобразуются коренным образом. «Ни в экономике, ни в народонаселении, ни тем более в политике не наблюдается вечный цикл, который проходил бы через переломы исторической непрерывности», – замечает Р. Арон [4, с. 426]. История как возникновение нового в своем развертывании преодолевает повторяемости, обнаруживая их относительный и преходящий характер.

Исторический процесс может быть интерпретирован в категориях возможности и действительности. А именно, он есть такой процесс, в котором какие-то возможности реализуются и превращаются в действительность, а из действительности проистекают новые возможности. Всякое достигнутое историческое состояние есть результат реализации определенной возможности развития, одной из многих, и это состояние в свой черед беременно какими-то возможностями. Разумеется, превращение той или иной возможности в действительность осуществляется в истории через человеческую деятельность и сами возможности существуют не иначе, как в деятельности людей.

Исторические возможности, однако, нам не известны. Они не известны ни относительно прошлого (в нем мы знаем только ту возможность, которая реализовалась, а относительно иных возможностей, которые, несомненно, были, приходится только гадать), ни, тем более, относительно будущего. Мы, конечно, предполагаем, что наличное историческое состояние ограничивает каким-то образом поле возможностей последующего развития, но это не сообщает нам способности делать научные предсказания относительно будущего, так как мы не знаем ни этих возможностей, ни того, сколько их.

Сегодня историческая наука, как и социально-гуманитарное познание в целом, обращается к синергетике. Эта область знания первоначально возникла на почве физики и химии, она рассматривает процессы самоорганизации в открытых нелинейных системах. Она заостряет внимание на когерентных эффектах в системах этого типа – эффектах, выражающихся в том, что элементы

системы начинают вести себя согласованно, «дружно». В появлении синергетики сыграло роль стремление преодолеть противоречие между вторым началом термодинамики, согласно которому развитие идет от более упорядоченных состояний к менее упорядоченным, и развитием в живой природе, сопровождающимся повышением уровня организации живых существ. Синергетика показала возможность движения в сторону упорядоченности и в неживой природе, установив, что процессы в открытых системах вообще могут быть процессами самоорганизации. На основе представлений синергетики в терминах упорядоченности–неупорядоченности возникает определенная модель развития. А именно, развитие предстает как смена неупорядоченных, хаотических и упорядоченных, устойчивых состояний. При этом важную роль в интерпретации синергетикой развития играют присутствующие в ней идеи неопределенности (принципиальная невозможность определить, в каком направлении будет происходить развитие) и необратимости (невозможность возврата системы к пройденным состояниям). Синергетика также устанавливает, что на пике неустойчивости неравновесной системы толчком к самоорганизации может послужить сколь угодно малая спонтанная флуктуация [см. 5].

Мы полагаем, что синергетика, если не преувеличивать значение собственно терминологии, не многое может сообщить историку о характере исторического развития, чего бы он не знал до нее или интуитивно не чувствовал, но именно поэтому союз исторической науки с синергетикой кажется более продуктивным, чем с какой-нибудь другой естественной наукой. Как отмечал С.Г. Гомаюнов, воздействие синергетики на биологию и общественные науки отчасти объясняется «своеобразным «узнаванием» синергетики биологами, социологами, экономистами, историками» [6, с. 100]. Действительно, историку, например, хорошо знакомы по истории и необратимый характер развития, устанавливаемый синергетикой, и роль случайностей, и возможность различных путей развития, открывающаяся в определенные критические моменты истории, и то, что малые и случайные события могут стать катализаторами важных социально-исторических изменений. «Узнавание» синергетики историческими науками определяется тем, что она внесла историзм в понимание процессов, совершающихся в природе. Как бы то ни было, можно констатировать, что представления синергетики вырабатывают хорошую, адекватную модель исторического процесса.

В постмодернистской философии история мыслится как форма словесного дискурса, нарратология. Постмодернисты исходят из того, что история имеет дело с письменными источниками, текстами, и они утверждают, что эти тексты и есть историческая реальность, за которой нет никакой иной реальности – ни объективной, ни субъективной. Они провозглашают, что означаемое не

существует вне означающего, до процесса означивания. Представление о том, что означаемое существует помимо означающего, есть, по их убеждению, недопустимое представление о «трансцендентальном означаемом».

Постмодернисты отказываются мыслить историю как процесс. Уже М. Фуко разбивал историю на отдельные синхронические, статичные образования – эпистемы или дискурсивные формации. А между этими статичными блоками он не устанавливал никакого перехода и не ставил вопроса об их возникновении. Историю, по его утверждению, характеризует радикальная прерывность [см. 7].

Очень показательна в этом отношении операция на времени, которую производил Ж. Делез. Он накачивал настоящее, раздвигал его границы – так, чтобы оно поглотило прошлое и будущее. Тем самым он останавливал время, так как если не будет прошлого и будущего, то все будет настоящим, все будет здесь и теперь. Это разбухшее настоящее он вслед за стоиками именовал Хрономосом и, вдохновленный стоиками, писал: «Иногда можно сказать, что только настоящее существует, что оно впитывает в себя прошлое и будущее, сжимает их в себе и, двигаясь от сжатия к сжатию, со все большей глубиной достигает пределов всего Универсума, становясь живым космическим настоящим» [8, с. 86]. А другое прочтение времени у него – Эон. Это такое прочтение времени, в котором настоящее интерпретируется как водораздел между прошлым и будущим – исчезающе малый водораздел, через который будущее перетекает в прошлое. Эон, согласно Делезу, является местом событий, но события, как он разъясняет, бестелесны и являют собой поверхностные эффекты от взаимодействия тел, заполняющих Хронос.

Подлинным временем у Делеза является Хронос, он неустанно подчеркивал, что Эон – это только поверхностный эффект, что Эон пуст, бестелесен, пустая форма времени, свободная от телесного содержания настоящего. А Хронос материален, заполнен телами, между которыми существуют отношения каузальности, физическими качествами, «физический и циклический Хронос живого изменяющегося настоящего», в отличие от пустого настоящего Эона, бесконечно разлагающегося на прошлое и будущее. Свободный от материи и телесности Эон, очевидно, представляет собой сознание – временное историческое сознание, которому Делез отказывает в реальности. Но без исторического сознания, как мы уже отмечали, не может быть истории. Поэтому можно сказать, что подобная интерпретация времени, которую предлагал Ж. Делез, представляет собой попытку закрыть историю, вывести нас из нее. И постмодернизм, претендуя на радикальную перестройку всего мировоззрения современных людей, действительно провозглашал «конец истории».

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин А. Исповедь, книга XI.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1: Образ и действительность. Новосибирск: ВО «Наука», 1993.
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Эстетика словесного творчества. М., 1976.
4. Арон Р. Введение в философию истории // Избранное: Введение в философию истории. М. – СПб.: ПЕР СЭ; Университетская книга, 2000.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
6. Гомаюнов С.Г. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2.
7. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004.
8. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011.

© Алферов Анатолий Александрович (Antal@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Южный федеральный университет